

И.М.Попова

БЫЛ ЛИ К.МАРКС СОЦИОЛОГОМ?

ПОПОВА Ирина Марковна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии Одесского университета (Институт социальных наук) им. И.И. Мечникова

Среди бывших советских социологов широкое распространение получила точка зрения, согласно которой марксистской социологической концепции общества не существует. Социально-философские представления, именуемые "историческим материализмом" не способны претендовать на роль такой концепции. Отсюда делается вывод, что с позиций марксизма социологическое, конкретно-научное изучение общества невозможно. Соответственно заслуги К.Маркса перед социологией весьма сомнительны.

Подобные рассуждения содержат, как мне кажется, по меньшей мере две неточности. Во-первых, исторический материализм отождествляется с материалистической, социально-философской концепцией общества и, во-вторых, сама эта концепция толкуется в духе экономического материализма, выступающего как философская предпосылка в лучшем случае для политэкономии, а не социологии.

Реальная проблема, некорректное решение которой приводит к "отлучению" Маркса и марксизма от социологии, заключается во взаимоотношении социальной философии и теоретической социологии. Наиболее приемлемый подход предлагает Ю.Н.Давыдов. По его мнению, теоретическая социология представляет собой сферу социологического знания, в которой социология непосредственно соприкасается с философией, точнее, социальной философией. Последняя, в свою очередь, отделяясь от философии, образует автономную сферу и выступает как предпосылочное знание для теоретической социологии. Однако различного рода "соприкосновения" теоретической социологии с социальной философией не могут служить основанием для их отождествления [1].

Далее возникает вопрос о возможности квалифицировать позиции не только О.Конта и Г.Спенсера, но Э.Дюркгейма и М.Вебера как "социологические". При этом, чем уже трактуется предмет социологии, тем меньше мыслителей попадает в число собственно социологов. Для характеристики концепций XIX века часто используется термин "протосоциология". Например, А.Босков, анализируя переход от "общественной мысли" к социологической теории, относит к "протосоциологам" не только Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера, но и Гумпловича, Тенниса, Гиддингса и многих других [2, с. 18].

Тем не менее в имеющейся на Западе учебной социологической литературе, где изложение курса начинается со знакомства со взглядами первых социологов, к ним, как правило, причисляют Конта, Спенсера, Дюркгейма, Вебера, Зиммеля и непременно Маркса. А описывая главные социологические подходы, либо особо выделяют "марксистский", либо рассматривают его среди наиболее значительных социологических моделей общества. Другое дело, что именно ценят у Маркса, в чем видят его вклад в социологию. Обычно речь идет о теории классов, создании предпосылок для социологии знания и о теории конфликта, которую трактуют и как особую социологическую методологию, одну из социологических моделей общества.

В последнее время обращается внимание на методологическую стратегию, разработанную Марксом и реализованную при анализе преимущественно экономических отношений, а также многообразных общественных сфер и явлений, различных исторических обстоятельств. Интерес к методологии Маркса, его социологической метатеории не случаен. Дело в том, что современная западная социология переживает сейчас своеобразный бум интереса к теоретическим и метатеоретическим проблемам в целом. На конференциях и семинарах, в литературе все настойчивее формулируется тезис о решающем значении для социологии метатеоретических представлений. В дебатах по этому поводу даже высказывается мысль, что "метатеоретические элементы играют главную роль в конструировании отдельных теорий" [3]. Роль метатеории, как считают, велика и в тех случаях, когда она не осознается, более того, отрицается самим социологом. По мнению Дж.Ритзера, такое

утверждение справедливо, например, по отношению к Р.Коллинзу [4]. Существенной частью социологической метатеории является методология. Одни авторы трактуют ее как совокупность установок и положений, характеризующих основные познавательные принципы, которых придерживается исследователь; другие — как осознание конкретных методов и процедур, используемых при изучении явлений. В обществоведческой литературе советского периода доминировала первая точка зрения. При этом методология рассматривалась как раздел философии.

Действительно, методология возникла и развивалась как философское знание, претендуя на анализ не только общефилософских, но и конкретно-научных методов исследования. Однако по мере оформления различных дисциплин, они начали отвоевывать у философии право самим решать свои методологические проблемы. Наряду с методологиями тех или иных конкретных наук (биологии, математики и т.п.), формировалась и социологическая методология, в значительной степени связанная с социальной философией, но все же, как и теоретическая социология, отличная от нее.

В конечном счете под социологической методологией стали понимать совокупность принципов и установок, предваряющих получение социологического знания и обуславливающих основные методы и способы его достижения, а также характер всей социологической деятельности (теоретической и практической). Методология — не только система "предпосылочных" принципов и установок, но и учение об этой системе, что и позволяет считать ее метатеорией, для которой сама социология служит объектом анализа. Не менее важно и то, как мы "задаем" общество, что при этом считаем наиболее существенным. Вопросы такого рода относятся к области онтологии. Осознание принципов, по которым выстраивается картина общества, также входит в сферу метатеории социологии. Как и методология, онтология длительное время рассматривалась в качестве разновидности философского знания. Однако постепенно все настойчивее стали говорить о част-нонаучных онтологиях, которые, наряду с методологией, являются важным компонентом метатеории любой науки. Большое значение имеет, кроме того, понимание связи онтологии и методологии. Если представить онтологию как замок (мир, который мы хотим "открыть"), а методологию как ключ (средства, которые мы для этого используем), то естественно, что ключ должен соответствовать устройству замка.

Создавая теорию общества и его отдельных сфер, выступающих объектом исследования, социолог, во-первых, как бы заново определяет ("переопределяет") общество и, во-вторых, выбирает соответствующие научной картине общества методы его рассмотрения. "Концепция объекта исследования, — пишет современный английский социолог У.Аутвейт, — решающим образом определяет типы метода, пригодные для его изучения... В этом переопределении объектов социального исследования всякому выбору методов изучения предшествуют вопросы социальной онтологии" [5].

Процедуры, связанные с построением картины общества и формулированием способов его изучения, образуют то, что условно можно назвать "методологическими стратегиями" в социологии¹. В область социологической метатеории входит и эпистемология, в рамках которой определяются основные принципы получения достоверного социологического знания. Замечу также, что метатеоретическая позиция, которую явно или неявно занимает социолог, может представлять собой сочетание различных онтологических, методологических и эпистемологических посылок. При этом связь между ними, несмотря на аналогию с "замком" и "ключом", не обязательно однозначна. (Например, сходство методологических установок Дюркгейма и Вебера отнюдь не свидетельствует об их эпистемологическом единодушии. А наличие некоторых общих эпистемологических и даже методологических посылок у Конта и Маркса не мешает различать их онтологические взгляды и тем более не дает право отождествлять их позиции в целом, скажем, безоговорочно считать последнего позитивистом.)

На фоне всплеска интереса к социологической метатеории понятно и пробуждение интереса к наиболее видным социологам XIX столетия, в частности к Марксу. Не случайно его, наряду с Дюркгеймом и Вебером, относят к святой "троице" и причисляют, по выражению Аутвейта, к "лику святых" [6]. Существует еще одно обстоятельство, способствующее усилению внимания к его социологическим воззрениям. Речь идет о сближении социологии и политэкономии. "В настоящее время, — считает французский

---

¹ В литературе в аналогичном смысле используется термин "ориентирующие стратегии", который относят к метасоциологии [3].

ученый А.Кайе, — происходит слияние их фундаментальных парадигм с поглощением социологической парадигмы" [7].

Обращение к "фундаментальным парадигмам", используемым Марксом, интересно именно потому, что, будучи наиболее адекватным средством изучения экономической сферы общества, они носили социологический по своей сути характер, представляли собой методологическую стратегию, применяемую им для анализа разнообразных общественных явлений и сфер. Однако об этом вспоминают редко. В западной литературе наиболее адекватную оценку упомянутой стратегии дает Р.Бхаскар. По его мнению, исторический материализм (понимаемый им как учение о том, что "материальное производство в конечном счете определяет все остальное в общественной жизни") — лишь дополнительная предпосылка в социологии Маркса, которую Бхаскар характеризует как "реляционную концепцию обществоведения и преобразовательную модель деятельности общественного человека" [8, с.234]. Весьма пространные примечания к работе Бхаскара направлены на то, чтобы избежать сугубо "экономической", а по сути вульгарно "истматовской" трактовки социологической концепции Маркса [Там же, с.237-238].

Существуют различные классификации, определяющие способы описания и объяснения общества. В рамках одной из них выделяются три пары оппозиций, при этом каждая пара включает в себя стратегии, опирающиеся на прямо противоположные посылки. В зависимости от того, какой уровень анализа выступает в качестве основополагающего при построении теории, различают *макро- и микросоциологию*; признание особой значимости равновесного состояния общества либо его изменчивости и развития служит водоразделом для *функционалистской и конфликтной* стратегий, наконец, различные представления о роли объективного и субъективного в общественной жизни лежат в основе *объективно-предметной и субъективно-ценностной* стратегий. Если первые две пары обозначены достаточно определенно, то последняя прочерчена не вполне четко. Чаще всего ее рассматривают как оппозицию "натуралистическая" — "гуманистическая" социология, что, на мой взгляд, не отражает сути проблемы.

Начиная с Вебера приводилось немало доводов в пользу фактически неокантианского тезиса о необходимости разграничивать "природные" и "культурные" системы, "вещи" и "ценности". В социологии этот тезис приобрел онтологический статус: социолог, в сравнении с естествоиспытателем, имеет дело с иной реальностью, значит, и метод его должен быть отличным. Соответственно выдвигаются те или иные способы преодоления натурализма. Ф.Знаецкий предлагает использовать для анализа "культурных фактов" "гуманистический коэффициент", П.Сорокин, ранее считавший, что социальные факты следует изучать как "вещи", позже настаивает на применении "логико-значущего метода", дающего возможность учитывать принятые в обществе смыслы и значения. Парсонс вслед за Вебером защищает "волюнтаристскую" версию "социального действия". Суть всех подобных предложений такова: либо "ценностно-смысловая" методология, либо натурализм, другого не дано.

Но существует иная, ненатуралистическая в строгом смысле слова, версия "объективно-предметного" подхода к общественным явлениям. Согласно этой версии, принадлежащей Марксу, проводится четкое различие "природного" и "общественного", "вещей" и "субъектов деятельности", признается значимость человеческого опыта и человеческой активности. Однако признание специфики "общественного" не связывается здесь с культурно-ценностной природой общественных систем и ценностно-смысловой стороной человеческой деятельности. И то, и другое описывается и объясняется под определенным углом зрения: главное — это объективная логика действий, предметно-практической деятельности. Соответственно общество рассматривается Марксом как совокупность качественно-различных отношений (экономических, социальных, политических, нравственных, правовых, религиозных и др.), которые носят объективно-практический характер.

Прибегнув к языку системного анализа, можно сказать: представление, что общество является системой качественно различных отношений, неразрывно связано с тем, посредством какого "системообразующего свойства" она "задается". Поскольку в макросоциологических концепциях, использующих "культурно-ценностную" (ценностно-нормативную) модель общества, социальная система задается иным свойством, по сравнению с марксистской концепцией, здесь иначе трактуются и социальные отношения. Они понимаются как ценностные отношения, носящие ценностно-смысловой характер [9].

Работ, посвященных специфике социологической методологии Маркса, в постсоветской литературе практически нет. Исключение составляет статья Ю.Л.Качанова [10]. Автор отдает

должное двум важным обстоятельствам: во-первых, органическая целостность у Маркса — это конкретно-историческое "производство индивидов", для которого характерен определенный способ деятельности; во-вторых, посредством понятия образа жизни "многообразие проявлений деятельности ставится под знак общего концептуального основания" [10, с. 138].

Процитируем утверждение, очень точно объясняющее, почему искажается суть марксовской социологической методологии: "К сожалению, низкий уровень методологической рефлексии современной теории маскирует действительную проблему, переводя ее в плоскость философского начетничества. Цитатная наука ищет "не там, где потеряла, а там, где светло". Между тем базовая абстракция марксистской социологии вовсе не "материалистическое понимание истории", а определенное концептуальное представление бытия объекта исследования — общества" [Там же, с. 138].

И все же наиболее адекватную трактовку социологической методологии Маркса предлагает Бхаскар. В превосходной статье, на которую мы уже ссылались, он выделяет четыре социологических модели, характеризующие связь "общество-личность". В первой "социальные объекты рассматриваются как результаты целенаправленного или осмысленного человеческого поведения (или как образованные им)". Такой моделью, по мнению автора, оперирует Вебер. Во второй, используемой Дюркгеймом, социальные объекты обладают собственной жизнью, внешней и принудительной по отношению к индивиду. Третья модель — это попытка синтезировать первые две. Один из вариантов данной модели, который гласит, что "общество производит индивидов, творящих общество", наиболее убедительно защищает П.Бергер. И все же преимущество, считает Бхаскар, следует признать за четвертой, "преобразовательной (трансформационной) моделью социальной деятельности", принадлежащей Марксу [8, с.225-230]. Предлагаемая самим Бхаскаром, а также Аутвейтом социологическая методология (рассматриваемая ими как средство преодоления кризиса в социологии) строится на марксовской методологической посылке. Именуется она по-разному: трансцендентальный реализм, новый реализм, умеренный натурализм, критический натурализм и т.д. [11].

Согласно этой модели, субъекты деятельности не творят общество, а воспроизводят или преобразуют его, ибо "сознательная деятельность осуществляется на данных наличных объектах, и ее нельзя представить себе протекающей в их отсутствие... всякая деятельность предполагает первичное существование социальных форм" [8, с.227]. "Моя концепция, — продолжает Бхаскар, — состоит в том, что люди в своей сознательной деятельности по большей части бессознательно воспроизводят (и попутно преобразуют) структуры, "направляющие" их самостоятельные производства". Далее рассуждения ученого поразительно напоминают доводы, которые приводит В.Ленин, критикующий в "Материализме и эмпириокритицизме" богдановскую концепцию тождества общественного бытия и общественного сознания, а также размышления Ф.Энгельса о "параллелограмме сил", истоки которых в гегелевских диалектических представлениях о "хитрости разума", "...люди вступают в брак не для того, чтобы поддержать жизнь капиталистического хозяйства. И тем не менее семья и хозяйство оказываются ненамеренным последствием (и неизбежным результатом), равно как и необходимым условием их деятельности. Поскольку социальные условия — это отношения различного рода, а деятельности — это производства, то предмет социологии для сторонников данной модели — это отношения производства (разных родов)" [8, с.237].

Как уже отмечалось, Бхаскар не связывает социологическую методологию Маркса однозначно с историческим материализмом. Более того, он считает, что положение об определяющей роли материального производства недоказуемо. Несомненно, однако, что социально-философская позиция Маркса существенным образом обуславливает его социологическую методологию. Несомненно также, что любая социологическая методология имеет самостоятельное значение, формируя представление о предмете социологии, изучаемой социологом реальности, обладая той или иной эвристической ценностью.

Следует отметить "тотальность" марксистской "деятельност-ной" методологии и в том плане, что в ее рамках могут анализироваться и сознание, и субъективность. В отличие от собственно натуралистической методологии, здесь не отрицается специфически субъективный характер человеческой деятельности и значимость для нее сознания. Более того, как полагает М.Мамардашвили, хотя в теории Маркса отсутствуют ссылки на осуществляемые субъектами процессы понимания, их мотивации, целенаправленности, желаний и т.п., она является и определенной теорией сознания [12, с. 297]. "Существующее

у субъектов сознание может в принципе изучаться совершенно объективно, по его "предметностям", по значащим для него объективациям, рассматриваемым в качестве порожденных саморазвитием и дифференциацией системы социальной деятельности" [12, с. 298]. По мнению Мамардашвили, заслуга Маркса в том, что он открыл для науки такую точку зрения.

Подобный подход к изучению сознания поддерживают многие исследователи. Так, П.Бергер и Т.Лукман пишут: "Реальность повседневной жизни не просто полна объективации, она и возможна лишь благодаря им. Я постоянно окружен объектами, которые обозначают субъективные намерения моих партнеров, хотя у меня иногда и возникают трудности по поводу правильного понимания того, что определенный объект "обозначает", особенно если он был создан людьми, которых я не знал достаточно хорошо или вообще не знал в ситуациях лицом-к-лицу. Любой этнолог или археолог подтвердит наличие этих трудностей, но сам факт, что их можно преодолеть и по артефакту реконструировать субъективные намерения людей, которые жили в давно исчезнувших обществах — красноречивое доказательство огромной силы человеческих объективации" [13].

Другая, оппозиционная по отношению к любой объективно-предметной методологии "социологическая парадигма" предполагает анализ всех общественных явлений (включая сознание) под иным углом зрения, с их субъективно-смысловой стороны. Приоритет в данном случае отдается культуре как системе ценностей, принятым в обществе символам и значениям, мотивам действия, ценностным ориентациям и т.д. В основе такой методологии (условно именуемой "субъективно-ценностной"), которая к концу XIX века становится типичной для западной социологии, лежит известный тезис об особой роли сознания в человеческой деятельности, в жизни общества.

Сравнение различных пар методологических стратегий, а также тех, что входят в каждую пару, свидетельствует: во-первых, их оппозиция относительна (скажем, некорректно абсолютное противопоставление функционального и конфликтного подходов, ведь существуют "конфликтный функционализм", "функциональные теории конфликта") и, во-вторых, сочетание методологических подходов довольно многообразно. Рассмотрим, к примеру, как пересекаются пары стратегий функционалистская — конфликтная и объективно-предметная — субъективно-ценностная. Известно, что Зиммель (представитель конфликтного функционализма) и Дарендорф (автор диалектической теории конфликта) были сторонниками субъективно-ценностного подхода, тогда как Маркс (теорию которого относят к диалектической разновидности теории конфликта) — объективно-предметного. Он, в отличие от Дарендорфа, связывал изменения, порождаемые конфликтами, не с противоречиями систем ценностей, а с антагонизмами, заключенными в предметно-практической деятельности, и соответствующими ей взаимодействиями между группами. Таким образом, каждую теорию можно характеризовать как бы по разным параметрам одновременно.

К выводу о том, что методологические стратегии вполне совместимы, что их можно согласовать, использовать не одну, а сразу несколько, приходишь, когда обращаешься к уже сложившимся социологическим теориям.

Например, "субъективно-ценностный" характер могут носить как макро-, так и микротеоории (символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология и др.). Субъективизм ("субъективно-смысловой", "субъективно-ценностный" подход), противопоставляемый натурализму и позитивизму, образует так называемую понимающую социологию [14]², специфика которой обозначилась уже достаточно определенно. Фактически до настоящего времени ее идеи вдохновляют многих западных социологов.

Значительное место в макротеоориях Вебера, Парсонса и других занимают размышления о социальных действиях индивида. Категория "социальное действие" была одной из главных составляющих общей концептуальной схемы, лежащей в основе построения целого ряда теорий. Микро- и макроподходы, таким образом, вполне уживались друг с другом. Важно также помнить, что трактовка "социального действия" восходит к социологии Вебера. Поведение, обусловленное присутствием других людей "и не соотношенное с ним по своему смыслу, — пишет он, — не входит в понятие "социального действия" в установленном нами значении" [16]. Стремление удержать "смысл"

---

² В американских учебниках методологию, используемую представителями данного направления, именуют "интерпретативной" [15].

социального действия характерно и для социологических концепций Знаненского, Парсонса и многих Других социологов, совмещающих макро- и микроподходы и использующих одновременно ценностно-нормативную модель общества.

Однако в западной социологической литературе (включая учебную) макроподход зачастую отождествляется с объективным, а микро— с субъективным. Так, Смелзер в недавно изданном в России учебнике "Социология" утверждает: "Микросоциология изучает общение людей в повседневной жизни — интеракцию, их взаимодействие. Исследователи, работающие в этом ключе, считают, что социальные явления можно понять лишь на основе анализа тех смыслов, которые люди придают данным явлениям при взаимодействии друг с другом" [17].

Действительно, в тех теориях, на которые ссылается Смелзер (Дж.Хоманса, Г.Гарфинкеля, Э.Гоффмана), внимание сосредоточивалось не на объективной логике человеческих поступков и поведения, а на мотивах, которыми люди при этом руководствовались, значении, которое они придавали тем или иным явлениям, символам, которые они принимали или отрицали. Но взаимодействие, как известно, понимается двояко. В теориях символического интеракционизма оно трактуется субъективистски, а в бихевиористских концепциях (Б.Скиннер) опосредованность поведения сознанием, его субъективный характер игнорируется и приводятся доводы в пользу того, чтобы избежать "менталистского объяснения" поведения [18].

Дихотомия "объективно-безличностного" и "субъективно-ценностного" часто становится предметом обсуждения в связи с проблемой взаимоотношения микро- и макроподходов. Первому, как отмечалось выше, приписывается субъективно-личностная стратегия, второму — объективно-безличностная, выражающая саму суть так называемого социологизма. При таком понимании безличностный (надличностный) характер носит и культура, выступающая как некоторое "внешнее" по отношению к человеческому поведению (индивидуальному или коллективному) образование. Но "внешними", принудительными по отношению к личности, у сторонника "социологизма" Дюркгейма являются "коллективные представления". Тогда дихотомия "микро-макро" выступает как отношение между "индивидуализмом" и "коллективизмом".

Способы разграничения микро- и макроподходов различны и один из них — разделение "объективно-безличностного" и "субъективно-ценностного". Но дихотомия "объективно-предметного" и "ценностно-смыслового" подходов — это иная плоскость рассмотрения общества, чем дихотомия "микро- и макро". Совмещение этих двух подходов в принципе возможно и при использовании "объективно-предметной" парадигмы. Ведь и в марксистской социологической концепции, которую с полным основанием относят к макросоциологическим, отправной точкой рассуждений являются "действительные индивиды", их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью [19].

Соответственно общество, будучи системой общественных отношений, выступает как определенный способ человеческой деятельности, "способ производства". В рамках объективно-предметной, деятельностно-преобразовательной методологии это вполне логично. Тем не менее Маркса обвиняют в непоследовательности, которую усматривают в том, что он, с одной стороны, настаивает на объективной логике институциональных структур, а с другой — признает роль сознания в человеческой деятельности [20].

При обсуждении проблем взаимоотношения микро- и макроподходов универсальное значение придается именно культурно-ценностной парадигме. В 1984 году, на одной из конференций в качестве довода в пользу универсальности данной парадигмы приводились веберовское обращение к культурным ценностям при объяснении "капиталистического" поведения, а также роль "символического" измерения социальной жизни, с помощью которого преодолевается противоречие между макро- и микроподходами (в частности, в социологической концепции Парсонса) [21]. Ценностно-смысловой стратегии приписывается также заслуга объединения теоретического и эмпирического подходов к изучаемой социологом реальности. Дж.Коулмен, считающий некорректным соединение теоретического исследования с "социальными системами", а эмпирического — "с объяснением индивидуального поведения", полагает, что эмпирическое и теоретическое, равно как микро- и макроподходы, совмещаются именно благодаря обращению к ценностям [21, p. 153-154].

Аналогичные рассуждения можно найти и в постсоветской социологической литературе. Так, М.С.Комаров пишет: "Главная ошибка, совершаемая отечественными

социологами, заключается в том, что анализ природы и содержания социальных отношений, долженствующий осуществляться в категориях эмпирической науки, к числу которых относятся "мотивы и ценностные ориентации личности", "статусно-ролевые отношения" и нормативные комплексы (институты), подменяется привычным социально-философским анализом", уводящим в прямо противоположную от социологии сторону" [22, с.37]. Другая ошибка, считает Комаров, состоит в следующем: "упускается из виду факт, что система социального взаимодействия и общения людей регулируется определенным комплексом "значений", как принято говорить в современной социологии со времен М.Вебера. Последний определяется господствующими в обществе культурными стандартами: системой знаний, верований, идеологией, обычаями, традициями и др." Утверждается также, что лишь такой подход способен обеспечить необходимую при социологическом анализе связь трех уровней.

В этих рассуждениях содержится по меньшей мере три допущения: во-первых, все, что не соответствует ценностно-нормативному, "смысловому" подходу, относится к социальной философии (а именно, к истмату); во-вторых, ценностно-нормативная методология рассматривается как синоним методологии социологической; в-третьих, лишь ценностно-нормативная методология может обеспечить эмпирическое социологическое изучение общественных явлений. По мнению Комарова, категория "социальные отношения" является социально-философской, а "на языке социологического анализа система социальных отношений адекватно описывается посредством понятий социальной роли и социального статуса, так как конкретными носителями общественных отношений выступают прежде всего люди, выполняющие определенные типы деятельности и соответственно имеющие определенный статус в социальной иерархии" [Там же].

Но почему, собственно говоря, "социальные отношения" не социологическая категория? И потом, разве неизвестно социологам, что реально-практические отношения могут в большей или меньшей степени соответствовать нормативным "ролевым" предписаниям, а то и не соответствовать им вовсе? (Не мы ли были свидетелями этого разлада в "былые времена" и не в меньшей степени в настоящее время? И не нам ли понятнее всего утверждение Маркса: "Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно также нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию" [23]?) Что касается того, что социолог при эмпирическом изучении человеческого взаимодействия имеет дело непременно со смыслами и значениями, то необходима и адекватная интерпретация данной информации, учет "парадоксов самосознания", обуславливающих содержание первичной социологической информации, получаемой от респондентов [24].

По мнению Комарова, "язык описания и объяснения общественных явлений, свойственный современной мировой социологии, отличается от принятых в нашей теоретической социологии концептуальных средств, имеющих по большей части социально-философское происхождение" [22, с. 36]. Но социологический язык неоднозначен. Категории социологии вводились и получали распространение по мере ее оформления и развития. "К 1920 году, — пишет Босков, — имелся довольно полный концептуальный набор: общество, социальная группа, социальный институт, социальные отношения, социальное взаимодействие, социальные мотивы, общественное разделение труда, социальная стратификация, социальный контроль и социальное изменение" [2, с. 45]. Однако содержание упомянутых категорий может быть различным. Это зависит от того, в рамках какой методологической стратегии используется категория, какой "социологической парадигмой" определяется ее содержание. Фактически речь идет лишь об одинаковых терминах, которым придаются совершенно разные смыслы.

Сказанное прежде всего относится к такой основополагающей категории социологии, как "социальность". "Рассматривает ли социолог общество как реальность особого рода или пытается вычленив простейшую единицу социальной связи (либо социальной деятельности), чтобы сделать ее точкой отсчета, — во всех случаях "предельным понятием", определяющим его исследовательский горизонт, остается категория социальности. Вот "материя", из которой соткана та реальность, какую исследует социолог. И стоит ему только "оторваться" от этой реальности, как он перестает быть социологом" [1, с. 5.6]. Ответ на вопрос, "как поживает идея материализма в социологии", может иметь, собственно говоря, лишь иноказательное значение, ибо в социологии проблема "первичности-вторичности" снимается. Здесь, однако, важно, чтобы категории трактовались в соответствии с задаваемыми парадигмами, содержали тот смысл, который им может быть приписан в определенной системе понятий.

Как уже отмечалось, социальность индивидуального действия у Вебера, Знанецкого и Парсонса состоит во взаимодействии смыслов и значений. В марксовской "социологической парадигме" — это практическая интеракция людей, в ходе которой присваиваются условия жизнедеятельности, необходимые для осуществления производства (включая воспроизводство человека как общественного существа). Различия в возможностях присвоения, имеющиеся у разных общественных групп, обуславливают и место последних в целостной системе социальных отношений, их "социальное положение". Соответственно Маркс и Вебер по-разному понимали "социальную структуру". Если для первого ее существенным параметром является взаимоотношение различных групп в процессе общественного производства (независимо от того, каким образом система объективно-предметной деятельности и позиции в ней различных групп выражаются в сознании общества, в его ценностно-нормативных предписаниях), то для второго таковым выступает престиж — ранг группы, предписываемый системой ценностей.

Неоднозначно трактуются в социологии и категории "социальный статус", "социализация", "социальный институт". Под социальным статусом, например, понимают "положение", "позицию", подразумевая объективную принадлежность к группе, выделенной по тому или иному признаку. Но так же называют и место в системе прав и обязанностей, в предписаниях общества, обусловленных системой ценностей. Так, в частности, понимал социальный статус Вебер, отождествляя его с престижем позиции. Именно это толкование наиболее распространено в западной социологии, отдающей приоритет, как правило, субъективно-ценностной методологии. Для обозначения динамической стороны статуса используется категория "социальная роль", которой практически всегда придается ценностно-нормативная окраска.

Употребление категории "социальная роль" — несомненный признак субъективно-ценностного подхода, тогда как "статус", "социальная структура", "социальное взаимодействие" и т.п. используются и в объективно-предметной методологии. То же относится к термину "социальный институт", который не характеризует однозначно ту или иную методологическую позицию. По тому, насколько велика роль данной категории в концептуальной схеме, в теоретических построениях, можно судить о принадлежности теории к макро- или микроуровню. Что касается критерия "субъективно-объективное", то относить термин "социальный институт" к какой-то одной оппозиционной стратегии неправомерно.

В западной социологии "социальный институт" — это "устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему" [25]. Сама же "социальная система", как и место в ней того или иного института, определяется ценностями общества. Иную трактовку дают социологи, придерживающиеся марксистской методологии (хотя сам Маркс этот термин не использовал): "исторически сложившиеся, устойчивые формы организации совместной деятельности людей" [26]. При этом перечисляются те же институты, которые традиционно выделяются сторонниками ценностно-нормативного подхода: семья, образование, наука и т.д.

Когда в СССР начала возрождаться социология и проявился активный интерес к различным, ранее неизвестным и даже запретным социологическим концепциям, хождение получили многие прежде неиспользуемые термины. Принимая их на вооружение, советские социологи наделяли эти термины совсем иным смыслом, в соответствии с привычными представлениями. Так, были переименованы "социальная стратификация", "социальный статус", "социальный институт", "социализация" и др.

В рамках различных методологических стратегий по-разному трактуются "конфликт", "социальное равновесие", "изменение", "социальное развитие" и т.д. В целом же необходимо иметь в виду следующее:

— методологические стратегии могут оперировать своими собственными понятиями и соответствующими им терминами, которые не употребляются в других методологиях;

— в разных методологиях могут использоваться одни и те же термины, в которые вкладывается различный смысл;

— смысл терминов, используемых в одной и той же методологии, может изменяться, конкретизироваться и уточняться в зависимости от новых результатов, получаемых в процессе исследований.

Итак, нельзя догматически относиться к категориям, их определению и применению. Смысл категорий устанавливается во взаимодействии друг с другом, в тесной связи с тем, в

рамках какой теории и методологии они оформлялись, что с их помощью хотели зафиксировать и выразить. Целесообразность использования той или иной категории и соответствующих терминов определяется избираемой методологической стратегией. Выбор же стратегии (и теории) должен основываться не на идеологических соображениях, а на конкретно-научных задачах. (Например, не выходя за рамки ценностно-нормативной методологии нельзя не только решать, но даже ставить проблему взаимоотношения сознания и деятельности, "слова и дела").

В связи с этим возникает вопрос: как совместить подобное "разномыслие" с "однозначностью понятийного фонда", что, как известно, является признаком научности? Допустима ли такая "нестрогость", не выводит ли она социологию за пределы науки? Не видеть в этом проблемы, которая порождает серьезные трудности в осуществлении социологической деятельности, нельзя. И все же социолог должен стремиться к научной строгости, а социология лишь в идеале "имеет" однозначный понятийный фонд.

Однако придавать универсальное значение таким социологическим категориям, как "ценность", "социальная роль", "ценностные ориентации" и др., считать именно их признаком "универсального социологического языка" вряд ли правомерно. Сказанное справедливо и применительно к категориям, типичным для марксистской социологической методологии. Но, осваивая богатый и плодотворный опыт западной социологии, интенсивно включаясь "в процесс развития мировой социологии", необходимо отдавать должное и марксистской социологической методологии, использовать содержащиеся в ней возможности для описания и анализа общественных явлений. "Приобретая — не потеряй" — этому девизу желательно следовать, усваивая и приумножая уже достаточно богатый опыт социологического наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов Ю.Н. Введение. Теоретическая социология и ее история // Очерки по истории теоретической социологии XIX — нач. XX вв. М.: Наука, 1994.
2. Босков А. От общественной мысли к социологической теории // Современная социологическая теория. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
3. David G. Wagner and Josef Berger. Programs, theory and metatheory // *AJS*. 1986. Vol. 92, N 1. P.178.
4. Ritzer G. *Metatheorising in Sociology*. Lexington: Lexington Books, 1991. P.49.
5. Аутвейт У. Реализм и социальная наука // *Социологос: Социология, антропология, метафизика*. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С.152.
6. Социологический реализм и проблема онтологического обоснования социальной науки ("круглый" стол редакции) // *Социол. исслед.* 1990. N 9. С.51.
7. КайеА. Интересна ли социология интереса? (К вопросу об использовании экономической парадигмы в социологии) // *Современная зарубежная социология (70-80-е годы)*. М.: 1993.
8. Бхаскар Р. *Общества* // *Социологос*. М.: Прогресс, 1991.
9. Попова ИМ. Системный анализ в социологии и проблема ценностей. (О ценностно-нормативной модели общества) // *Вопросы философии*. 1968. N5.
10. Кочанов ЮЛ. Резервы и тупики марксистской социологии: целостность и тотализм // *Социологос*. М.: Прогресс, 1991.
11. Казакевич Х. Реализм и социология: вышла ли социология из кризиса // *Социологос*. М.: Прогресс, 1991. С170.
12. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С.297.
13. Бергер П, Лукман Т. Социальное конструирование реальности // *Современная зарубежная социология (70-80-е годы)*. М.: 1993. С. 141.
14. Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука, 1979.
15. Persell С.Н. *Understanding society. Introduction to sociology*. New York: Harper and Row Publishers, 199а P. 18-19.
16. Вебер М. Основные социологические понятия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 626.
17. Смелзер Н. *Социология*. М.: Феникс, 1994. С. 21.
18. Скиннер Б. *Технология поведения* // *Американская социологическая мысль*. М.: Изд-во МГУ, 1994. С39.
19. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 18.

20. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С.138.
21. The Micro-macro link / Ed. by J.C.Alexander, B.Giesen, R.Munch and N.J.Smelser. Berkeley: California University Press, 1987.
22. Комаров М.С. Размышления о предмете и перспективах социологии // Социол. исслед. 1990. N11.
23. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.7.
24. Попова И.М. Ценностные представления и "парадоксы" самосознания // Социол. исслед. 1984. N5.
25. Современная западная социология. Словарь. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1990. С. 116.
26. Краткий словарь по социологии. М.: Изд-во полит, лит-ры, 1989. С. 88.